

Цзи Лин был так взбешен, что весь вечер не притронулся к еде. Чжоу Шу несколько раз стучал в дверь, но тот лишь отмалчивался, запершись внутри.

Будучи альфой, расплакаться от обиды из-за подобной ерунды — это позор, о котором и рассказывать стыдно.

Но стоило Цзи Лину вспомнить ненавистную физиономию Вэнь Чи, как его охватывал жар. Ему нестерпимо хотелось вернуться в тот зал и вышвырнуть этого гада из боксерской комнаты пинком под зад.

Незаметно пробило девять часов, и телефон послушно звякнул.

Юй Цюшэнь: У тебя сегодня много занятий в академии. Как успехи в учебе?

Цзи Лин, покрасневшими глазами глядя на экран, вяло подумал, что отвечать этому старому извращенцу совсем не хочется.

Юй Цюшэнь: Кажется, для омег на занятиях по физподготовке предусмотрены послабления. Если плохо себя чувствуешь, обязательно скажи преподавателю, не надо себя пересиливать.

Послабления.

У него, хоть он и не омега, тоже были послабления: пять тысяч слов объяснительной, аннулирование права на отличную оценку по физкультуре, да еще и оплата счетов за лечение этого пса Вэнь Чи.

От одной мысли об этом Цзи Лин закипел и сухо ответил: Угу.

Юй Цюшэнь: Что-то случилось сегодня?

Юй Цюшэнь: Кажется, ты не в духе.

Стоило старому извращенцу это сказать, как вся накопившаяся обида, словно прорвав плотину, хлынула наружу.

Мягкий омежка Лин: Меня обидели.

Мягкий омежка Лин: Мне грустно.

Цзи Лин лежал на кровати, надув щеки, словно булочка.

Юй Цюшэнь: Кто тебя обидел? Ты рассказал преподавателю?

Юй Цюшэнь: Если ситуация несправедлива, нужно сообщить учителю, тогда виновные понесут наказание.

Несправедлива.

Цзи Лин задумался. У него не было доказательств, а в глазах сотни свидетелей всё выглядело так, будто он сам потерял контроль над феромонами и сбросил Вэнь Чи с ринга.

Мягкий омежка Лин: Это не совсем тот случай.

Мягкий омежка Лин: Но мне очень обидно.

Мягкий омежка Лин: ТАТ

Отправленное сообщение, похоже, поставило Юй Цюшэня — этого прямолинейного альфу — в тупик. Он несколько раз начинал печатать, но так ничего и не прислал.

Цзи Лин разозлился еще больше.

Если этот гад посмеет написать ему что-то вроде: всегда нужно исходить из логики и искать доказательства своей правоты, — он тут же занесет этого старого извращенца в черный список...

Юй Цюшэнь: Понятно.

Юй Цюшэнь: Не расстраивайся.

Цзи Лин: «.....»

Какое же, черт возьми, сухое утешение.

Цзи Лин заворочался на кровати, от злости дергаясь, как выброшенная на берег рыба, прежде чем уткнуться лицом в подушку.

Его пушистый хвост за спиной нервно метался из стороны в сторону, а кончик с клочком светло-серой шерсти безвольно повис, покачиваясь в воздухе.

Юй Цюшэнь: Злиться вредно для здоровья.

Юй Цюшэнь: Если совсем не по себе, можешь почитать какую-нибудь научную статью или выйти на пробежку.

Мягкий омежка Лин: Не хочу!!

Мягкий омежка Лин: Я сейчас так злюсь, что готов кого-нибудь ударить! Ты должен немедленно согласиться со мной! Не смей говорить, что я неправ!

Мягкий омежка Лин: Я правда устрою истерику!!!

Мягкий омежка Лин: ???

Цзи Лин зарылся лицом в подушку, а оставшейся половиной надутого лица сердито уставился в экран. Между черными волосами торчало пушистое серое ушко, которое мягко подрагивало, словно кусочек пудинга.

Эти четыре фразы совершенно не вязались с образом мягкого омежки, и Цзи Лин уже начал жалеть о содеянном. Он еще не успел покорить сердце Юй Цюшэня, и нельзя было просто так выплескивать на него гнев — так легко можно было отпугнуть эту крупную рыбу.

Но он ведь правда! Очень злился!

И конечно.

Юй Цюшэнь больше не ответил.

Цзи Лин взглянул на время: девять ноль восемь. Его десять минут еще не вышли.

Старый извращенец еще и практикует холодное игнорирование.

Ушки Цзи Лина поникли, хвост медленно втянулся под одеяло. Только когда часы пробили девять десять, он положил телефон на тумбочку и выключил ночник.

Вскоре на наволочке появилось влажное пятно.

Когда на следующий день Цзи Лин пришел в лабораторный корпус, Юй Цюшэнь уже успел устроить разнос целой группе.

Даже через закрытую дверь было слышно, как он критикует чью-то научную работу. Тон его был настолько холодным, а формулировки настолько язвительными, что у бедняги, попавшего под горячую руку, наверняка выдастся бессонная ночь.

Цзи Лин мысленно посочувствовал тем, кто был внутри.

Он уже собрался уходить, как дверь открылась, и он внезапно столкнулся с Юй Цюшэнем взглядом. Цзи Лин едва не вздрогнул.

Затем он запоздало подумал: я же не совершил никакой ошибки, чего мне бояться?

Юй Цюшэнь закрыл папку с документами и, подняв глаза, уставился на него. Через пару секунд он произнес:

— Заходи, Цзи Лин.

— ...

В кабинете было чисто и прибрано. И это при том, что он только под утро вернулся из Яцзы, но все равно нашел время на уборку. Цзи Лин в очередной раз поразился силе воли этого человека.

Юй Цюшэнь, сжимая в руке перьевую ручку, дважды постучал ею по столу и, не спеша подняв взгляд, поинтересовался:

— Слышал, ты вчера подрался?

Цзи Лин: «?»

Уголок его рта дернулся, и он не сдержался:

— Интересно, через сколько рук до вас дошли эти сплетни... что меня уже записали в драчуны?

— О? — Юй Цюшэнь кивнул. — Я тоже думаю, что ты не похож на студента, который лезет в драки. Может, расскажешь, как все было на самом деле?

Вчера он игнорировал его, а сегодня вдруг проявил любопытство.

Цзи Лин закатил глаза про себя, но внешне остался невозмутим:

— Занятие по физподготовке, потерял контроль над феромонами.

Он подытожил максимально кратко, опустив детали. В конце концов, для великого командира все это было сущей мелочью.

— Хорошо, — кивнул Юй Цюшэнь. — Впредь будь осторожнее, старайся не допускать подобного. В конце концов, оценка за физподготовку составляет значительную часть рейтинга.

Цзи Лин странно на него посмотрел.

С чего бы ему заботиться о его оценках...

— И еще.

Фраза Юй Цюшэня вернула Цзи Лина к реальности.

— Я проверил вашу групповую работу, которую вы сдали на прошлой неделе. Оригинал с комментариями отправил тебе на почту, не забудь проверить.

Цзи Лин кивнул.

— Можешь идти.

Отдав распоряжение, Юй Цюшэнь склонился над бумагами.

Цзи Лин, словно получив помилование, тут же выскользнул из кабинета, не забыв прикрыть за собой дверь.

Впервые он вышел из кабинета Юй Цюшэня, не получив нагоняй, и чувствовал себя так, словно парил в облаках.

Хорошее настроение сохранялось, пока он не вошел в лабораторию. Бо Яо и Чэнь Юйшэн сидели по обе стороны от его места — судя по всему, они поджидали его уже давно.

— Ну что, малец? — первым начал Бо Яо.

Цзи Лин приподнял бровь и небрежно бросил:

— Уж извините, не отчитали.

— Вау! — воскликнул Чэнь Юйшэн. — Неплохо, еще один выживший.

Цзи Лин удивился:

— Неужели все так плохо? Он правда всех подряд отчитывал? С таким-то скверным характером, может, у него критические дни?

— Пф, еще бы, — Бо Яо покачал головой. — Знаешь, что он спросил у меня сегодня утром? Он спросил, что это за жанр такой. Я опешил и сказал, что это научная работа. А он кивнул и ответил, что подумал, будто это художественный роман... Первый раз вижу, чтобы кого-то так унизили.

Цзи Лин рассмеялся:

— А у него своеобразное чувство юмора.

Компьютер загрузился. Цзи Лин, вводя пароль, продолжил слушать жалобы Бо Яо:

— Соседней группе еще хуже досталось. Он исчеркал их работу красной ручкой. Они сначала обрадовались, подумали, что красным он отметил то, что можно оставить, а он сказал, что красным пометил то, на что смотреть невозможно.

— Какой ужас, хорошо, что я в одной группе с тобой, малец, — Чэнь Юйшэн затрясся от смеха, закинул руку на плечо Цзи Лину и заглянул в его экран, где красовалась четкая надпись:

«Написано так хорошо, что хочется закрыть документ уже после первых двух строк».

Чэнь Юйшэн: «...»

Цзи Лин: «.....»

<http://bllate.org/book/22232/2321445>